

УДК 316.75

DOI: 10.32326/2618-9267-2026-9-2-120-138

## «КОНЕЦ ИДЕОЛОГИИ» КАК ИДЕОЛОГЕМА ТЕХНОКРАТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

**Ухваков Антон Олегович** – аспирант кафедры социальной философии и философии истории. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, просп. Ломоносовский, д. 27, корп. 4; e-mail: ukhvakov97@mail.ru, ORCID: 0009-0002-0580-5396

В статье представлен критический анализ концепции «конца идеологии» – одной из наиболее влиятельных установок западной социальной мысли середины XX в. На материале работ Д. Белла, Р. Арона, С. Липсета и А. Шлезингера рассматривается процесс конструирования мифа о «постидеологической эпохе», ставшего фундаментом послевоенного либерально-демократического консенсуса. Обосновывается, что тезис о «конце идеологии» является специфической технократической идеологемой, направленной на деполитизацию социального пространства через концепцию «нейтрального знания». Автор показывает, как редукционистская трактовка, сводящая идеологию к догме, позволила теоретикам «деидеологизации» вывести технократизм из поля критического анализа. В работе прослеживается преемственность между технократическим проектом середины XX в. и современными формами управления, в рамках которых функция идеологических аппаратов в условиях платформенного капитализма делегируется алгоритмам искусственного интеллекта (ИИ). Методологическую рамку исследования составляют теория идеологии Л. Альтюссера и критика «технической рациональности» Ю. Хабермаса; опираясь на них, а также на современную политэкономию платформ (Н. Срничек, Ш. Зубофф, Я. Варуфакис), автор анализирует трансформацию интерпелляции в эпоху ИИ, выявляя связь между алгоритмическим моделированием архитектуры выбора и эрозией политической субъектности. В заключение формулируется вывод о том, что идеология сегодня не исчезает, а переходит в латентное состояние, становясь имманентной цифровой инфраструктуре, а сам «конец идеологии» осмысливается как симптом идеологического сомнамбулизма, при котором инструментальная рациональность становится новой формой господства. В этой связи намечаются перспективы дальнейших исследований в области политэкономии платформ, «алгоритмической интерпелляции» и практик сопротивления возникающей «инструментарной власти».

**Ключевые слова:** конец идеологии, технократия, платформенный капитализм, искусственный интеллект, Луи Альтюссер, технофеодализм, Даниел Белл

*Цитирование:* Ухваков А.О. «Конец идеологии» как идеологема технократического сознания // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2026. Т. 9. № 2. С. 120-138. DOI: 10.32326/2618-9267-2026-9-2-120-138

Рукопись получена: 13 января 2026

Пересмотрена: 29 марта 2026

Принята: 7 апреля 2026

## **“THE END OF IDEOLOGY” AS AN IDEOLOGEME OF TECHNOCRATIC CONSCIOUSNESS**

**Anton O. Ukhvakov** – PhD  
Student at the Department of  
Social Philosophy and Philosophy of History. Lomonosov  
Moscow State University.  
27 bld. 4 Lomonosovsky Ave.,  
Moscow 119991, Russian Federation;  
e-mail: [ukhvakov97@mail.ru](mailto:ukhvakov97@mail.ru),  
ORCID: 0009-0002-0580-5396

The article presents a critical analysis of the “end of ideology” concept – one of the most influential positions in mid-20th-century Western social thought. Drawing on the works of D. Bell, R. Aron, S. M. Lipset, and A. Schlesinger, the study examines the construction of the “post-ideological era” myth as the foundation of the post-war liberal-democratic consensus. It is argued that the “end of ideology” thesis serves as a specific technocratic ideologue aimed at the depoliticization of social space through the concept of “neutral knowledge”. The author demonstrates how a reductionist interpretation, reducing ideology to dogma, allowed the theorists of “de-ideologization” to exempt technocracy from the field of critical analysis. The paper traces the continuity between the mid-20th-century technocratic project and contemporary forms of governance, where, under the conditions of platform capitalism, the function of ideological apparatuses is delegated to artificial intelligence algorithms. The methodological framework of the research relies on L. Althusser’s theory of ideology and J. Habermas’s critique of “technical rationality”. Drawing on this perspective, as well as on the contemporary critical political economy of digital platforms (N. Srnicek, S. Zuboff, Y. Varoufakis), the author analyzes the mechanism of interpellation’s transformation in the era of artificial intelligence, demonstrating the connection between the algorithmic modeling of choice architecture and the erosion of political subjectivity. In conclusion, the thesis is substantiated that ideology today does not disappear but transitions into a latent state, becoming immanent to the digital architecture of everyday life, while the “end of ideology” itself is conceptualized as a symptom of ideological выщепляемость, in which the power of instrumental rationality becomes a new form of domination.

**Keywords:** the end of ideology, technocracy, platform capitalism, artificial intelligence, Louis Althusser, technofeudalism, Daniel Bell

*How to cite:* Ukhvakov, A.O. (2026). “The end of ideology” as an ideologue of technocratic consciousness. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 9 (2): 120-138. DOI: 10.32326/2618-9267-2026-9-2-120-138 (In Russian).

*Received: 13 January 2026*

*Revised: 29 March 2026*

*Accepted: 7 April 2026*

В середине XX в. западная социальная мысль столкнулась с парадоксом: пытаясь осмыслить кризис универсальных идеологических проектов (нацизма, марксизма, классического либерализма), она сформировала новый, не менее влиятельный нарратив о наступлении «постидеологической эпохи». Наиболее концентрированным его выражением стала концепция «конца идеологии», сформулированная рядом авторитетных интеллектуалов – Дэниелом Беллом, Раймоном Ароном, Сеймуром Мартином Липсетом и Артуром Шлезингером (Bell, 1988 [1960]; Арон, 2015 [1955]; Липсет, 2016 [1960]; Schlesinger, 1949, web). Исходной установкой для них служило убеждение, что западные общества достигли устойчивого либерально-демократического консенсуса, в котором структурные противоречия капитализма считались разрешёнными, идеологические баталии – исчерпанными, а политика сосредоточилась на спорах о наиболее эффективных средствах достижения общепризнанных целей.

Как отмечал Тони Джадт, популярность этих идей выходила далеко за пределы академического дискурса и выражала общий социально-психологический настрой эпохи – реакцию на травматический опыт войны, диктатуры и кризис «больших нарративов» (Judt, 2006, pp. 6-7). Неудивительно, что это породило стремление западной интеллигенции дистанцироваться от любого политического радикализма, который стал восприниматься не как средство освобождения, а как угроза хрупкому демократическому порядку.

Данный интеллектуальный поворот имел конкретное социально-экономическое обоснование. Его сторонники видели в послевоенных тенденциях: снижении имущественного неравенства, росте среднего класса и прежде всего социально-политической интеграции пролетариата – свидетельство нейтрализации классового антагонизма и, следовательно, вызревания условий для исчерпания идеологии как таковой. Вот как характеризовал этот процесс С. М. Липсет: «Коренные политические проблемы промышленной революции уже решены: рабочие добились гражданства в промышленной и политической сферах; консерваторы приняли государство всеобщего благоденствия; а левые демократы признали, что возрастание всеобъемлющей государственной власти влечёт за собой больше опасностей для свободы, чем решений экономических проблем» (Липсет, 2016, с. 476). Вследствие этих же обстоятельств Д. Белл настаивал на том, что понятие «класс» в социальных науках утрачивает аналитическую силу, поскольку, по его мнению, в современных обществах власть и богатство уже не связаны напрямую (Bell, 1988, p. 66). На этом основании постулировался переход от антагонистической модели общества к модели функциональной интеграции, в рамках которой социальные проблемы должны рассматриваться как чисто технические, то есть

решаемые вне политического поля, исключительно методами административно-технического регулирования. Политическая практика тем самым элиминировалась, превращалась в рутинный бюрократический процесс – процедуру поиска наиболее эффективных средств силами экспертного сообщества. В этом смысле проект «деидеологизации» с самого начала подразумевал деполитизацию социального пространства и утверждение технократического сознания в качестве новой идеологической доминанты.

### *Догматичность как родовое свойство идеологии*

Методологической основой для провозглашения «конца идеологии» послужило крайне узкое понимание самой идеологии. Её родовым (универсальным) признаком теоретики «деидеологизации» считали догматичность. Классическим выражением этой позиции является подход Артура Шлезингера-младшего, который трактовал идеологию как жёсткую систему застывших догм, претендующую на исчерпывающее объяснение мира и служащую либо консервации, либо радикальному переустройству существующего порядка (Schlesinger, 1949, web). В его трактовке идеология представляет собой абстрактную схему действительности, в которой принципы незыблемы, ход истории предопределён, а цели выводятся из априорных предпосылок.

Подобное упрощение представляется методологически уязвимым, поскольку игнорирует значительное разнообразие явленных в истории идеологических форм. Можно ли, например, назвать догматичной идеологию Просвещения, императив которой «имей мужество пользоваться собственным умом» (*sapere aude*) был по своей сути антидогматичным, основанным на принципах критики и конкуренции идейных позиций? Более того, многие гибкие политические идеологии (например, современный либерализм или социал-демократия) адаптируются к новым вызовам, не будучи привязанными к незыблемым догмам. Их устойчивость обеспечивается не догматизмом, а способностью инкорпорировать критику, переосмыслять и переписывать собственные основания.

С другой стороны, как показал Томас Кун, догматизм присущ и «нормальной науке», функционирующей в рамках общепринятой парадигмы (Кун, 1977). Учёные в этой фазе не подвергают сомнению базовые постулаты научного знания, выступающие фактически догмами. Если догматизм характеризует и научное познание на определённой стадии, то он перестаёт быть специфицирующим признаком идеологии. Таким образом, догматизм – это скорее признак определённой фазы институционализации знания, а не родовая характеристика идеологического мышления. Привязка идеологии к догматизму оказывается произвольной и не позволяет провести различие между содержательно различными типами знания.

Эта ошибочная методологическая установка привела к ключевой семантической подмене, лежащей в основе всей конструкции

«конца идеологии». Сторонники данной концепции отождествили идеологию как социально-гносеологический феномен (форму репрезентации и легитимации классовых интересов) с её *конкретно-историческими*, доктринальными формами середины XIX – начала XX в. Как следствие, в их рассуждениях термин «идеология» скользил между двумя несоизмеримыми значениями: как догматическая доктрина (в исходных посылах) и как якобы изживший себя тотальный феномен (в выводах). Подобное наложение позволило решить двойную задачу: провозгласить «конец идеологии» в узком доктринальном значении, одновременно выводя за пределы критики те формы идеологического сознания, которые под это определение заведомо не попадали.

Таким образом, сведение идеологии к догматической доктрине на практике оказалось не столько аналитическим инструментом, сколько риторическим средством самообоснования постидеологического дискурса. Узкая трактовка понятия позволяла, в частности, представлять марксизм как «светскую религию», тем самым выводя из поля политической полемики сложившийся на Западе либерально-демократический консенсус. На скрытую нормативность такой интерпретации указывал Чарльз Райт Миллс, отмечая, что Белл, Арон и Липсет под видом «конца идеологии» фактически подразумевают конец исключительно левой идеологии (Mills, 1960, web).

Важно также отметить специфическое понимание генезиса идеологии у Д. Белла. Если в предшествующей западной социальной мысли доминировало (пусть и в различных интерпретациях) марксистское понимание проблемы, связывавшее возникновение идеологии с появлением классового общества и государства, то Белл фактически отказывается от этого подхода и предпринимает своеобразную попытку исторической локализации идеологии, ограничивая её жизненный цикл жёсткими рамками эпохи модерна.

#### *К проблеме происхождения идеологии*

В работе *The End of Ideology* (Bell, 1988), развивая линию Шлезингера, Белл выделяет догматичность в качестве родовой черты идеологии (наряду с тотальностью, утопизмом и страстностью). Однако именно страстность идеологии – способность мобилизовать эмоции – становится для него ключом к пониманию её исторической судьбы и основанием для тезиса о её «истощении» (англ. *the exhaustion of ideology*). Истоки этого феномена Белл усматривает в горниле индустриализации XVIII-XIX вв., когда в ходе острой идейной борьбы различные социальные группы стремились рационализировать свои частные интересы, облекая их в форму всеобъемлющих мировоззренческих систем.

Таким образом, идеология предстаёт у Белла как своеобразная психологическая надстройка – своего рода побочный продукт

идейного противостояния эпохи буржуазных революций, нашедший, по его мнению, наиболее полное выражение в работах левых гегельянцев, к числу которых он относил не только Фейербаха, но также и Маркса (Bell, 1988, pp. 393-395). Её истощение в зрелом индустриальном обществе видится Беллу закономерным историческим процессом, обусловленным двумя взаимосвязанными факторами. Во-первых, усложнение социальной структуры современного общества не позволяет довольствоваться спонтанной политической активностью и настоятельно требует профессиональной экспертизы программ социального управления. Во-вторых, догматическая природа идеологии несовместима с критическим духом науки, поскольку идеология всегда защищает свои постулаты от эмпирического опровержения.

Позиция Белла вызывала закономерный вопрос: чем же тогда руководствовались люди предшествующих эпох, если идеология – всего лишь краткий исторический миг эпохи модерна? В попытке ответить на него Белл фактически отождествляет идеологию с другой формой общественного сознания, обладающей способностью влиять на поведение людей и схожей по эмоциональному воздействию. «Идеологии девятнадцатого века, – пишет Белл, – вселяя страсть в своих последователей, могли бы конкурировать с религией» (Bell, 1988, p. 401). Основное различие он видит в их ориентации: идеология нацелена на земное переустройство мира, а религия направлена на трансцендентное; при этом существенного структурного различия между ними Белл не обнаруживает. Идеология в его трактовке предстаёт своего рода «светской религией» модерна, обречённой, подобно классическим религиям, уйти с авансцены истории (Ibid., p. 400).

Подобное отождествление вскрывает ограниченность позитивистского подхода Д. Белла, рассматривающего идеологию как исторический эпифеномен, а не как имманентный структурный элемент социального бытия. В противоположность этому, в марксистской традиции идеология предстаёт отнюдь не случайным явлением индустриальной эпохи, а универсальным механизмом воспроизводства общественного порядка, способным принимать различные исторические формы бытования – от мифа и религиозной доктрины до претендующего на объективность технократического дискурса.

Однако если у классиков марксизма идеология связывалась прежде всего с классовой структурой общества, то структуралистский марксизм существенно расширил эту перспективу. Луи Альтюссер показал, что идеология – это не просто форма «ложного сознания», а бессознательная интерпретативная матрица, которая формирует воображаемое отношение индивидов к их реальным условиям существования. Обеспечивая функцию воспроизводства производственных отношений, сама идеология, как структура, не сводится к конкретным историческим формам классового господства и не исчезает вместе с ними. Согласно концепции Альтюссера,

«идеологические аппараты государства» (школа, семья, церковь и т. д.) функционируют как материальные инстанции, которые через язык, ритуалы повседневного поведения и организацию пространства трансформируют индивидов в субъектов, наделяя их чувством идентичности и добиваясь «добровольного» признания существующего порядка. Ключевым механизмом этого процесса выступает интерпелляция. В классическом примере Альтюссера (оклик полицейского: «Эй, вы, там!») призыв производит мгновенный эффект узнавания: индивид оборачивается, признавая себя адресатом зова, и тем самым занимает предложенную ему субъект-позицию (Альтюссер, 2011). Этот механизм дополняется тем, что Р. Барт называл «личностной направленностью» (*adhomination*): риторическим приёмом, создающим иллюзию уникальности адресата (Зенкин, 2014, с. 168). Идеологический оклик заставляет индивида поверить, что сообщение обращено лично к нему, хотя на деле оно вписывает его в абстрактную, безличную структуру. Этот процесс носит до-рефлексивный характер: субъект не выбирает идеологию сознательно, а всегда оказывается внутри неё, принимая идеологические рамки за границы самой реальности<sup>1</sup>. С этой точки зрения идеология лишена истории, а сама идея существования некой нейтральной позиции, расположенной «вне» или «над» тканью социальных практик, представляется теоретически несостоятельной.

Белл, напротив, исходит из классической позитивистской парадигмы, предполагающей существование архимедовой точки – позиции субъекта, расположенной вне идеологии. Это позиция нейтрального наблюдателя, который якобы способен находиться «снаружи» социальных конфликтов и ценностных антагонизмов, руководствуясь логикой фактов и принципом интеллектуальной честности. Фундаментальное эпистемологическое различие проявляется в проводимом Беллом водоразделе между «старыми интеллектуалами-гуманитариями» и «новыми интеллектуалами-учёными» (Bell, 1988, pp. 401-402). Первые, по его мнению, и являются подлинными творцами идеологии, поскольку их деятельность неразрывно связана с ценностными ориентациями, моральными установками и утопическим стремлением преобразовать мир. Вторые же – эксперты, инженеры и администраторы – представлены как субъекты, чья деятельность основана на принципе ценностной нейтральности и направлена на поиск надпартийных, технически оптимальных решений социальных проблем.

В этом вопросе Белл опирается на классиков социологии – Карла Манхейма с его концепцией «свободно парящей интеллиген-

---

<sup>1</sup> Необходимо признать, что в ранних работах Л. Альтюссера (до середины 1960-х гг.) прослеживалась тенденция к теоретизизму и жёсткому отстаиванию автономии науки. Однако ко времени публикации статьи «Идеология и идеологические аппараты государства» философ пришёл к пониманию глубокой погружённости процесса производства научного знания в политическую борьбу. Примечательно, что большинство мыслителей, развивавших теорию интерпелляции (Ж. Рансьер, Э. Лаклау, Ш. Муфф, Дж. Батлер, С. Жижек), радикализировали этот поворот, подвергнув критике саму возможность существования внеидеологической науки.

ции» (Манхейм, 1994) и Макса Вебера с его методологическим принципом «свободы от оценки» (Вебер, 1990). Однако если у Манхейма и Вебера эти концепции имели преимущественно философско-методологический характер, то у Белла разграничение между «гуманитариями-идеологами» и «экспертами-технократами» приобретает нормативный характер: первые олицетворяют морально исчерпавший себя анахронизм XIX в., тогда как вторые символизируют прогрессивное, постидеологическое будущее.

В оптике структуралистской концепции Альтюссера, методологическая уязвимость подхода Белла становится очевидной. Американский социолог сводит идеологию к её внешнему, исторически контингентному атрибуту – способности мобилизовывать человеческие страсти, игнорируя институциональную укоренённость идеологии и её внеисторическую функцию по производству субъектности. Подобный позитивистский подход фактически редуцирует идеологию до уровня поведенческой программы или набора артикулированных политических идей, лишая её бессознательного измерения.

В результате провозглашённый Беллом «конец идеологии» обернулся не её исчезновением, а глубокой метаморфозой. Пытаясь освободить общество от догм прошлого, теоретики «деидеологизации» парадоксальным образом способствовали легитимации нового, технократического порядка, в котором власть укореняется не в масштабных утопических проектах, а в притязаниях на монопольное использование механизмов рационального управления. Социальные конфликты были переведены в управленческий регистр, где господство надёжно скрывалось за фасадом экспертного знания, а политические решения стали выдаваться за технические императивы.

Обладая мощной перформативной силой, концепция «конца идеологии» задавала границы допустимого дискурса, в котором любая альтернатива стигматизировалась как устаревшая или иррациональная. Таким образом, проект «деидеологизации» стал подлинным апофеозом идеологии, растворившейся в самом горизонте рационального до состояния неразличимости.

### *Технократизм как новая форма идеологии*

Ещё в 1960-е гг. проницательные критики отмечали, что вера в возможность технического разрешения социальных конфликтов является идеологической установкой технократического сознания. Чарльз Райт Миллс утверждал, что доктрина «конца идеологии» выражает интересы правящих элит, стремящихся замаскировать сохранение в западном обществе классовых противоречий, сводя разрешение возникающих конфликтов к набору узких управленческих задач, а свои политические программы представить как продукт нейтрального экспертного знания (Mills, 1960, web). Юрген Хабермас развил эту критику, показав, как в позднем капитализме

техника и наука сами превращаются в фетиш, в идеологию нового типа, которая является «более непреодолимой и всепроникающей» и замыкает поиск решения вопросов о целях, ценностях и «благой жизни» в рамки технических проблем администрирования. При этом Хабермас отмечал, что господство технократического сознания отнюдь не ведёт к снятию классовых противоречий, а всего лишь способствует их переходу в латентное состояние, закрывая тем самым возможность публичной артикуляции и, следовательно, политического разрешения (Хабермас, 2007).

Наиболее показательной в этом отношении является позиция Раймона Арона. Критикуя «идеологическую страстность» французских левых интеллектуалов, он противопоставлял ей трезвый технократический подход, характерный, по его мнению, для англо-американских обществ (Арон, 2015, с. 369). Арон утверждал, что именно способность переводить политические конфликты в техническую плоскость является признаком интеллектуальной зрелости Запада. В социально-политической жизни США он, как и другие сторонники концепции, находил своеобразный идеал, к которому должно стремиться прогрессивное человечество, а также эмпирическое подтверждение тезиса о «конце идеологии».

В «Опиуме интеллектуалов» Р. Арон с восхищением описывал американскую «не-идеологию»: «Американский образ жизни есть отрицание того, что европейский интеллектуал подразумевает своей идеологией. Американизм не выражается системой понятий или предложений, он не знает ни коллективного спасителя, ни завершения истории, ни определяющей причины становления, ни догматического отрицания религии. Он сочетает почитание конституции, уважение частной инициативы, гуманность, внушаемую сильной и нечёткой верой, весьма безразличной к соперничеству церквей (беспокоит только католический "тоталитаризм"), преклонение перед наукой и производительностью. Американизм не содержит ни детальной ортодоксии, ни официальной версии» (Арон, 2015, с. 437-438).

Однако в этой интерпретации, при всей её кажущейся пронизательности, кроется интеллектуальная слепота. Арон не распознал идеологическую природу «американизма», который, несмотря на отсутствие догматической ортодоксии, выполнял классическую идеологическую функцию – легитимацию социального порядка через то, что Антонио Грамши назвал бы культурной гегемонией (Грамши, 1991). «Американизм» задавал систему ценностных ориентиров – от сакрализации конституции до культа индивидуальной инициативы и веры в технологический прогресс, формировал мощную, хотя и не догматически оформленную, систему установок и ценностей, определяющую «правильный» образ жизни и мышления американца.

Таким образом, отсутствие догматизма не только не означает отсутствия идеологии, но, напротив, характеризует её наиболее совершенную форму. Именно недоктринальные, растворённые

в повседневности системы ценностного порядка – то, что можно назвать «идеологией без идеологов», – оказываются наименее уязвимыми для критики. Такая идеология не имеет набора выраженных положений, однако функционирует как фоновая схема восприятия, придающая социальному порядку ауру самоочевидности.

Предлагаемая Ароном идея технического решения общественных проблем изначально предполагала согласованность целей и ценностную гомогенность общественного пространства. Однако подобный консенсус был иллюзорным даже для американского послевоенного общества – расовые, гендерные и классовые конфликты взламывали поверхность ценностного консенсуса западных обществ, что проявилось, например, в движении за гражданские права в США. А позднейшие события: антивоенное движение, студенческие волнения 1968 г., рост субкультур и т. д. – лишь подтвердили тезис о том, что подобные проблемы не могут быть сведены к вопросу о средствах, поскольку требуют пересмотра нормативной архитектуры общества: вопросов справедливости, равенства и распределения власти. Восхищаясь американской «неидеологией», Арон принимал за отсутствие идеологии культурную гегемонию американской буржуазии, которой удалось институционально закрепить свои интересы в качестве законодательной нормы, как универсальный здравый смысл. Способность представлять партикулярный интерес класса как интерес общества вообще – важнейшая черта идеологии, отмеченная ещё классиками марксизма. Послевоенный либерализм, маскируясь под нейтральную технологию достижения согласия – платформу, на которой будут услышаны все точки зрения, – успешно справлялся с этой задачей.

Если идеологии XIX в. характеризовались догматизмом, тотальностью, утопическим пафосом и страстностью, то пришедший им на смену технократизм опирался на иные принципы: инструментальную рациональность, процедурность, прагматизм и ценностную нейтральность. Его центральный постулат – вера в то, что общество может и должно управляться рационально и беспристрастно, якобы вне поля классовых интересов. Хотя технократизм и не предлагает всеобъемлющей, метафизической картины мира, он повсеместно задаёт эпистемологические границы того, что считается рациональным и возможным, формируя тем самым горизонт политического воображения, за пределами которого любые альтернативы кажутся утопическими. Технократическая нейтральность – это всегда защита *status quo*. Техника (как и бюрократия) по своей природе консервативна, так как работает на оптимизацию функционирования существующей системы, а не на создание новых смыслов. В конечном счёте технократизм выполняет ту же функцию легитимации социального порядка, что и классические идеологии, но уже не через политическую мобилизацию масс, а через дисциплинирование мышления. Партийные лозунги замещаются лексиконом «научного менеджмента», а место классовой

борьбы занимают модели «социального равновесия» и «управления рисками».

В данной оптике тезис о «конце идеологии» предстаёт не как объективный научный диагноз, а как специфическая технократическая идеология – дискурсивная установка, абсолютизирующая принципы инструментальной рациональности в социальном регулировании. Эта конструкция не просто легитимировала власть экспертов, наделяя производимое ими знание атрибутом нейтральности, но и перекодировала сам язык описания реальности: политика редуцировалась к социальной инженерии, а конфликты интересов – к техническим сбоям в системе управления.

Впоследствии эта технократическая установка легла в основу неолиберального поворота, где принцип «альтернативы нет» (TINA) окончательно подменил пространство политического выбора экономической целесообразностью. Неолиберализм перестал восприниматься как один из возможных путей развития, закрепившись в статусе естественного и безальтернативного горизонта общественной жизни. Закономерным итогом этого процесса стали риторика «конца истории», провозгласившая либеральный капитализм финальной точкой эволюции (Фукуяма, 1990), и возникновение феномена «постполитики» (Муфф, 2005). Элиминация политического измерения привела к тому, что борьба антагонистических проектов уступила место технократическому администрированию, а преобразующий потенциал политики свёлся к экспертной оптимизации наличной данности. Эта ситуация получила своё осмысление в концепции «капиталистического реализма» М. Фишера, описывающей состояние культуры, в рамках которой альтернативы существующему порядку становятся когнитивно не представимыми (Фишер, 2010).

Парадокс текущего момента заключается в том, что кажущаяся реидеологизация публичной сферы (рост популизма, «культурные войны» и обострение глобальных конфликтов) не опровергает, а лишь маскирует сохранение технократического консенсуса. Нарастание геополитической нестабильности парадоксальным образом работает на сохранение существующей системы: в условиях перманентного кризиса базовые параметры капиталистического воспроизводства окончательно выносятся за скобки демократического обсуждения. Реальные политические противоречия смещаются в аффективную плоскость ценностно-символической борьбы, оставляя структурные основания экономического неравенства нетронутыми. Именно в этой точке постполитика обретает новую материальную базу: платформы не просто ретушируют классовые антагонизмы, но и осуществляют непрерывную коммодификацию цифровой активности пользователей, порождая новые формы господства.

*Идеология в эпоху алгоритмов:  
от технократической мечты к цифровой гегемонии*

Технократический проект середины XX в., стремившийся растворить идеологию в процедурах нейтральных технических решений, находит своё абсолютное воплощение в эпоху алгоритмов. Если в 1960-е гг. идеологема «конца идеологии» держалась на фигуре беспристрастного эксперта-администратора, то сегодня её воплощением становится самообучающаяся система искусственного интеллекта (ИИ). Она претендует на окончательное устранение человеческого фактора как источника когнитивных ошибок и субъективности.

Этот онтологический сдвиг опирается на трансформацию экономического базиса, всесторонне осмысляемую современными исследователями цифровых платформ. Ник Срничек описывает эволюцию платформ от простых посредников до инструментов монопольного извлечения данных (Срничек, 2019). Шошана Зубофф, используя термин «надзорный капитализм», указывает на колонизацию самого человеческого опыта: в основе этой системы лежит «поведенческий излишек» – данные, извлекаемые из цифровой активности сверх того объёма, что необходим для улучшения сервиса. Поведенческий излишек не просто экспроприируется и становится товаром на рынке, а порождает «инструментарную власть», цель которой – не столько прогнозирование, сколько модификация поведения (Зубофф, 2022, с. 17). Янис Варуфакис идёт ещё дальше, утверждая, что на смену капитализму пришла новая, высокотехнологичная, но регрессивная система – «технофеодализм». Основой власти здесь выступает «облачная рента», изымаемая за право доступа к цифровой инфраструктуре, а пользователи превращаются в «цифровых крепостных» (*cloud serfs*), чей неоплачиваемый труд по генерации данных обогащает владельцев платформ (Варуфакис, 2025). Несмотря на ряд концептуальных различий, эти подходы сходятся в том, что фундаментом новой власти становится непрозрачная алгоритмическая архитектура, маскирующая корпоративные интересы нарративами эффективности, нейтральности и пользовательского комфорта.

В этих условиях идеологические аппараты подвергаются радикальному переформатированию. Функция конституирования субъекта мигрирует из классических институтов модерна – семьи, школы, церкви – в цифровую инфраструктуру, где ИИ становится основным агентом формирования субъектности. Механизм интерпретации претерпевает качественную метаморфозу: если у Л. Альтюссера это был дискретный акт, то в эпоху алгоритмов он превращается в перманентный процесс – цепочку микроокликов, встроенных в интерфейс и повседневные ритуалы (от утреннего уведомления до вечернего скроллинга). Персонализированные уведомления («вам пришло сообщение», «посмотри, что мы нашли для тебя», «вам может понравиться») не просто требуют постоян-

ного включения, но и превращают реакцию пользователя в акт производства данных, калибрующих систему. Как отмечают А.А. Трунов и В.О. Лесных, возникает «цифровая петля обратной связи»: субъект и алгоритм оказываются во взаимной зависимости, где каждый клик пользователя уточняет стратегию идеологического захвата (Трунов, Лесных, 2026, с. 79). В этом смысле можно говорить о возникновении новой формы идеологического оклика – алгоритмической интерпелляции.

В цифровом пространстве интерпелляция становится имплицитной, встроенной в архитектуру выбора через персонализированные рекомендации и поведенческие подталкивания (*nudging*). Идеологическое воздействие здесь осуществляется не через прямое убеждение, а через моделирование среды, в которой восприятие, внимание и доступные траектории выбора структурируются алгоритмическим прогнозом и селекцией контента.

На основе анализа цифрового следа платформенные системы ранжируют информацию, приоритизируя одни типы контента и снижая видимость других, в частности отсекая информацию, противоречащую устоявшимся взглядам пользователя: возникают так называемые пузыри фильтров и эхо-камеры (Pariser, 2011; Бажанов, 2022). Индоктринация в этих герметичных зонах осуществляется не только через внешнее воздействие, но в том числе и через алгоритмическое отзеркаливание исходных предубеждений субъекта. Как показывают исследования, алгоритмы YouTube, максимизируя метрику «время удержания», склонны подталкивать пользователей ко всё более радикальному контенту, создавая эффект кроличьей норы (Ribeiro et al., 2020, web). В этом смысле идеология производится процедурно: нейтральный код, настроенный на удержание внимания, на практике конструирует поляризованную реальность и обеспечивает воспроизводство существующего нормативного порядка.

Этот процесс неизбежно ведёт к фрагментации публичной сферы и эрозии политической субъектности. Вместо гражданина, способного к критическому суждению, алгоритмы производят потребителя контента – предсказуемый объект управления, чьи желания и реакции просчитаны наперёд. Пользовательские данные всё чаще используются не только для коммерческого прогнозирования, но и в политических целях. Возникающая на этой основе инструментальная власть знаменует собой, по выражению Ш. Зубофф, сдвиг локуса контроля с модуса «я буду» на модус «ты будешь» (Зубофф, 2022, с. 404). Показателен в этом отношении кейс Cambridge Analytica: компания использовала поведенческий излишек для психографического профилирования пользователей, выявляя моменты их наибольшей эмоциональной уязвимости с целью последующего таргетированного воздействия (Зубофф, 2022, с. 365-370, 402-403).

Легитимация этой системы связана, помимо прочего, с переносом эпистемологического авторитета от экспертного сообщества

к алгоритмической модели. В этом контексте ИИ представляется не только предельным выражением технократического воображения, но и универсальным инструментом решения общественных проблем. Визионеры Кремниевой долины проповедуют радикальный техносолюционизм (Morozov, 2013), утверждая, что тотальная алгоритмизация экономики позволит окончательно преодолеть человеческую предвзятость, устранить политическую иррациональность и достичь глобального изобилия (Altman, 2021, web; Andreessen, 2023, web). На практике эта риторика, воспроизводящая логику теоретиков «конца идеологии», означает сведение социально-экономических противоречий к задачам системной оптимизации. Подобная позиция упускает из виду фундаментальную проблему: инструментальная рациональность, в какой бы форме она ни воплощалась – будь то административный регламент или алгоритм ИИ, – не устраняет нормативность, а лишь маскирует её. Определение критериев эффективности и базовых параметров, закладываемых в программы управления, всегда является политическим выбором. Дилеммы «безопасность или свобода», «рост прибыли или социальная защита» не имеют чисто технического решения; они требуют ценностной установки, которая в цифровых системах оказывается зашитой в непрозрачный код и тем самым выведенной из поля публичного обсуждения.

Массовое сознание сегодня охотно наделяет машину аурой сверхчеловеческой объективности (Claudy, Aquino, Graso, 2022, web; Lu, Tormala, Duhachek, 2025, web). Однако исследования больших языковых моделей (LLM) опровергают этот миф: вопреки декларируемой беспристрастности, нейросети не только воспроизводят, но и консервируют социальные (Nadeem, Bethke, Reddy, 2020, web), культурные (Zhou et al., 2024, web) и политические предубеждения (Motoki et al., 2024, web; Urman, Makhortykh, 2024, web; Муронец, 2025), заложенные как в обучающих данных, так и в самих процедурах настройки (RLHF). Некритическое доверие к ИИ воплощает старый технократический миф о нейтральности знания, но делает его тотальным – встроенным в архитектуру повседневности, осуществляя то, что Юрген Хабермас назвал бы колонизацией жизненного мира системной логикой алгоритмов.

В этом контексте тезис Д. Белла о «конце идеологии» приобретает глубокую историческую иронию. Он служит напоминанием о том, что идеология достигает подлинной тотальности лишь тогда, когда ей удаётся полностью раствориться в структурах повседневности, став неотличимой от самой реальности. Это состояние можно охарактеризовать как идеологический сомнамбулизм: общество продолжает функционировать в рамках жёстких нормативных координат, но перестаёт осознавать их как результат политического выбора, принимая за безальтернативную техническую данность.

Трансформация механизмов власти требует радикального пересмотра задач социальной рефлексии. Сегодня её главная цель – вернуть идеологии её видимость, совершив работу по демистифи-

кации новых форм технического господства. Для этого необходимо вскрыть политическую онтологию алгоритмов и показать, что за цифровой архитектурой скрывается не чистый разум, а конкретный нормативный порядок и частный интерес. Решение этой задачи требует выработки нового понятийного аппарата, позволяющего анализировать механизмы, посредством которых идеология встраивается в цифровую инфраструктуру и начинает функционировать в виде нейтральных вычислительных параметров.

Дальнейшая исследовательская программа может развиваться по нескольким взаимосвязанным направлениям. Во-первых, необходим политэкономический анализ платформ, раскрывающий, каким образом классовые и корпоративные интересы встраиваются в механизмы алгоритмического управления. Во-вторых, следует исследовать идеологию как феномен, имманентный цифровой среде, выявляя её присутствие не только на уровне дискурса, но и на уровне инфраструктуры – как совокупность сетевых протоколов, интерфейсов и вычислительных процедур, неявно формирующих горизонт политического воображения. В-третьих, требуется специальное изучение алгоритмической интерпелляции как нового механизма производства субъектности: необходимо выявить, как персонализация, поведенческие подталкивания и рейтинговые системы формируют у пользователей устойчивые модели восприятия мира, саморепрезентации и практического действия. Наконец, четвёртое направление предполагает анализ форм сопротивления инструментальной власти – от философской рефлексии до возникающих практик цифровой солидарности. Здесь принципиально важно определить, обладают ли они подлинным эмансипаторным потенциалом или обречены на коммодификацию и кооптацию платформенным капитализмом.

Таким образом, реполитизация цифрового пространства становится не просто академической задачей, но и практической необходимостью. Демистификация презумпции нейтральности алгоритмического управления выступает фундаментальным условием возвращения обществу способности к осознанному политическому действию. Лишь преодоление узкого горизонта инструментальной рациональности позволит вернуть в публичную сферу вопрос о целях общественного развития, вытесненный сегодня технократическим спором о средствах.

### **Информация о конфликте интересов**

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

### **Declaration of Conflicting Interests**

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

### Список литературы

- Альтюссер, 2011 – *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). С. 14-58.
- Арон, 2015 – *Арон Р.* Опиум интеллектуалов / Пер. с фр. Д. Боровикова. М.: АСТ, 2015. 480 с.
- Бажанов, 2022 – *Бажанов В.А.* Особенности познавательных механизмов в информационную эпоху: «эхо-пузыри» и «эхо-камеры» // Философский журнал. 2022. Т. 15. № 4. С. 5-19.
- Варуфакис, 2025 – *Варуфакис Я.* Технофеодализм: что убило капитализм / Пер. с англ. М.: Ad Marginem, 2025. 304 с.
- Вебер, 1990 – *Вебер М.* Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 547-601.
- Грамши, 1991 – *Грамши А.* Тюремные тетради: в 3 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1991. 560 с.
- Зенкин, 2014 – *Зенкин С.Н.* Ролан Барт: признаки мифа // Мировое древо. 2014. Вып. 20. С. 163-178.
- Зубофф, 2022 – *Зубофф Ш.* Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Пер. с англ. А.Ф. Васильева. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с.
- Кун, 1977 – Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
- Липсет, 2016 – *Липсет С.М.* Политический человек: социальные основания политики / Пер. с англ. М.: Мысль, 2016. 612 с.
- Манхейм, 1994 – *Манхейм К.* Идеология и утопия // *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700 с.
- Муронец, 2025 – *Муронец В.С.* Вперёд к истокам: обзор подходов к изучению политических предубеждений больших языковых моделей // Политическая наука. 2025. № 2. С. 204-226.
- Муфф, 2005 – *Муфф Ш.* О политическом / Пер. с англ. А.В. Сметанина. М.: Праксис, 2005. 256 с.
- Срничек, 2019 – *Срничек Н.* Капитализм платформ / Пер. с англ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 128 с.
- Трунов, Лесных, 2026 – *Трунов А.А., Лесных В.О.* Структуралистская теория идеологии Л. Альтюссера в контексте цифрового капитализма: механизмы власти, интерпелляции и сопротивления // KANT: Social Science & Humanities. 2026. № 1 (25). С. 73-82.
- Фишер, 2010 – *Фишер М.* Капиталистический реализм. Есть ли альтернатива? / Пер. с англ. М.: Ультракультура 2.0, 2010. 176 с.
- Фукуяма, 1990 – *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134-148.
- Хабермас, 2007 – *Хабермас Ю.* Техника и наука как «идеология» // *Хабермас Ю.* Техника и наука как «идеология». М.: Праксис, 2007. С. 50-116.
- Altman, 2021, web – *Altman S.* Moore's Law for Everything. 2021. URL: <https://moores.samaltman.com/> (дата обращения: 18.02.2026).
- Andreessen, 2023, web – *Andreessen M.* The techno-optimist manifesto // Andreessen Horowitz. 2023. URL: <https://a16z.com/the-techno-optimist-manifesto/> (дата обращения: 18.02.2026).
- Bell, 1988 – *Bell D.* The End of Ideology: on the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. Cambridge: Harvard University Press, 1988. 501 p.

Claudy, Aquino, Graso, 2022, web – *Claudy M. C., Aquino K., Graso M.* Artificial intelligence can't be charmed: the effects of impartiality on laypeople's algorithmic preferences // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13. Article no. 898027. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.898027> (дата обращения: 10.01.2026).

Judt, 2006 – *Judt T.* Postwar: a History of Europe Since 1945. N. Y.: Penguin Books, 2006. 960 p.

Lu, Tormala, Duhachek, 2025, web – *Lu L., Tormala Z. L., Duhachek A.* How AI sources can increase openness to opposing views // *Scientific Reports*. 2025. Vol. 15. Article no. 17170. URL: <https://doi.org/10.1038/s41598-025-00791-z> (дата обращения: 10.01.2026).

Mills, 1960, web – *Mills C. W.* Letter to the new left // *New Left Review*. 1960. No. 5. URL: <https://marxists.org/subject/humanism/mills-c-wright/letter-new-left.htm> (дата обращения: 05.01.2026).

Morozov, 2013 – *Morozov E.* To Save Everything, Click here: the Folly of Technological Solutionism. N. Y.: PublicAffairs, 2013. 415 p.

Motoki, Pinho Neto, Rodrigues, 2024, web – *Motoki F., Pinho Neto V., Rodrigues V.* More human than human: measuring ChatGPT political bias // *Public Choice*. 2024. Vol. 198. Pp. 3-23. URL: <https://doi.org/10.1007/s11127-023-01097-2> (дата обращения: 26.12.2025).

Nadeem, Bethke, Reddy, 2020, web – *Nadeem M., Bethke A., Reddy S.* StereoSet: measuring stereotypical bias in pretrained language models // *arXiv preprint arXiv: 2004.09456*. 2020. URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2004.09456> (дата обращения: 26.12.2025).

Pariser, 2011 – *Pariser E.* The Filter Bubble: what the Internet Is Hiding from you. N. Y.: Penguin Press, 2011. 304 p.

Ribeiro et al., 2020, web – *Ribeiro M. H., Ottoni R., West R., Almeida V. A., Meira W.* Auditing radicalization pathways on YouTube // *Proceedings of the 2020 Conference on Fairness, Accountability, and Transparency*. 2020. Pp. 131-147.

Schlesinger, 1949, web – *Schlesinger A. M.* The Vital Center: the Politics of Freedom. Boston: Houghton Mifflin Company, 1949. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.506434> (дата обращения: 29.12.2025).

Urman, Makhortykh, 2024, web – *Urman A., Makhortykh M.* The silence of the LLMs: cross-lingual analysis of guardrail-related political bias and false information prevalence in ChatGPT, Google Bard (Gemini), and Bing Chat // *Telematics and Informatics*. 2024. Vol. 96. Article no. 102211. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2024.102211> (дата обращения: 26.12.2025).

Zhou et al., 2024, web – *Zhou M., Abhishek V., Derdenger T., Kim J., Srinivasan K.* Bias in generative AI // *arXiv preprint arXiv: 2403.02726*. 2024. URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2403.02726> (дата обращения: 26.12.2025).

## References

Althusser, L. (2011). Ideology and ideological state apparatuses (notes towards an investigation). *Neprikosnovennyj Zapas*, 3 (77), 14-58. (In Russian)

Altman, S. (2021). *Moore's Law for Everything*. Retrieved February 18, 2026, from <https://moores.samaltman.com/>

Andreessen, M. (2023). The techno-optimist manifesto. *Andreessen Horowitz*. Retrieved February 18, 2026, from <https://a16z.com/the-techno-optimist-manifesto/>

Aron, R. (2015). *The Opium of the Intellectuals*. AST Publ. (In Russian)

Bazhanov, V. A. (2022). Features of cognitive mechanisms in the information age: “echo bubbles” and “echo chambers”. *Philosophy Journal*, 15 (4), 5-19. (In Russian)

Bell, D. (1988). *The End of Ideology: on the Exhaustion of Political Ideas in the fifties*. Harvard University Press.

Claudy, M. C., Aquino, K., & Graso, M. (2022). Artificial intelligence can't be charmed: the effects of impartiality on laypeople's algorithmic preferences. *Frontiers in Psychology*, 13, article no. 898027. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.898027>

Fisher, M. (2010). *Capitalist Realism: Is there no Alternative?* Ultraculture 2.0 Publ. (In Russian)

Fukuyama, F. (1990). The end of history? *Voprosy Filosofii*, 3, 134-148. (In Russian)

Gramsci, A. (1991). *Prison Notebooks in 3 vols.* Vol. 1. Politizdat Publ. (In Russian)

Habermas, J. (2007). Technology and science as “ideology”. In J. Habermas, *Technology and Science as “Ideology”* (pp. 50-116). Praksis Publ. (In Russian)

Judt, T. (2006). *Postwar: a History of Europe since 1945*. Penguin Books.

Kuhn, T. (1977). *The Structure of Scientific Revolutions*. Progress Publ. (In Russian)

Lipset, S. M. (2016). *Political Man: the Social Bases of Politics*. Mysl' Publ. (In Russian)

Lu, L., Tormala, Z. L., & Duhachek, A. (2025). How AI sources can increase openness to opposing views. *Scientific Reports*, 15, article no. 17170. <https://doi.org/10.1038/s41598-025-00791-z>

Mannheim, K. (1994). Ideology and utopia. In K. Mannheim, *Diagnosis of our Time*. Yurist Publ. (In Russian)

Mills, C. W. (1960). Letter to the new left. *New Left Review*. Retrieved January 5, 2026, from <https://marxists.org/subject/humanism/mills-c-wright/letter-new-left.htm>

Morozov, E. (2013). *To Save Everything, Click here: the Folly of Technological Solutionism*. PublicAffairs.

Motoki, F., Pinho Neto, V., & Rodrigues, V. (2024). More human than human: measuring ChatGPT political bias. *Public Choice*, 198, 3-23. <https://doi.org/10.1007/s11127-023-01097-2>

Mouffe, C. (2005). *On the Political*. Praksis Publ. (In Russian)

Muronets, V. S. (2025). Back to the roots: a review of approaches to studying political bias in large language models. *Political Science*, 2, 204-226. Retrieved January 5, 2026, from <https://doi.org/10.31249/poln/2025.02.09> (In Russian)

Nadeem, M., Bethke, A., & Reddy, S. (2020). StereoSet: measuring stereotypical bias in pretrained language models. *arXiv preprint arXiv: 2004.09456*. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2004.09456>

Pariser, E. (2011). *The Filter Bubble: what the Internet Is Hiding from you*. Penguin Press.

Ribeiro, M. H., Ottoni, R., West, R., Almeida, V. A., & Meira, W. (2020). Auditing radicalization pathways on YouTube. In *Proceedings of the 2020 Conference on Fairness, Accountability, and Transparency* (pp. 131-147). <https://doi.org/10.1145/3351095.3372879>

Schlesinger, A. M. (1949). *The Vital Center: the Politics of Freedom*. Houghton Mifflin Company. Retrieved December 29, 2025, from <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.506434>

Srnicek, N. (2019). *Platform Capitalism*. Higher School of Economics Publ. (In Russian)

Trunov, A. A., & Lesnykh, V. O. (2026). Althusser's structuralist theory of ideology in the context of digital capitalism: mechanisms of power, interpellation, and resistance. *KANT: Social Science & Humanities*, 1 (25), 73-82. <https://doi.org/10.24923/2305-8757.2026-25.9> (In Russian)

Urman, A., & Makhortykh, M. (2024). The silence of the LLMs: cross-lingual analysis of guardrailrelated political bias and false information prevalence in ChatGPT, Google Bard (Gemini), and Bing Chat. *Telematics and Informatics*, 96, article no. 102211. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2024.102211>

Varoufakis, Y. (2025). *Technofeudalism: what Killed Capitalism*. Ad Marginem Publ. (In Russian)

Weber, M. (1990). The meaning of "value-freedom" in the sociological and economic sciences. In M. Weber, *Selected Works* (pp. 547-601). Progress Publ. (In Russian)

Zenkin, S. N. (2014). Roland Barthes: signs of myth. *Arbor Mundi*, 20, 163-178. (In Russian)

Zhou, M., Abhishek, V., Dardenger, T., Kim, J., & Srinivasan, K. (2024). Bias in generative AI. *arXiv preprint arXiv: 2403.02726*. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2403.02726>

Zuboff, S. (2022). *The Age of Surveillance Capitalism: the Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. Gaidar Institute Publ. (In Russian)